

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПОСТАНОВКА ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Поднимается не исследованная в цивилистике проблема понимания гражданско-правовой реальности. Высказывается мнение о том, что любое определение права имеет онтологические корни. Данное обстоятельство актуализирует разработку онтологических проблем правоведения, причем не только для специалистов в области философии и общей теории права, но и для ученых в сфере отраслевых наук, в том числе и цивилистов.

Ключевые слова: онтология права; правовая реальность; бытие гражданского права; «мир гражданского права»; гражданский порядок.

N.P. ASLANYAN
Doctor of Law, Professor,
Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk
e-mail: civil_law402@mail.ru

CONCEPT OF LEGAL REALITY: CIVIL PROBLEM STATEMENT

The article deals with the issue of understanding civil legal reality that has not been studied in civil law. The author suggests that any definition of law has ontological origins. This fact brings into focus the development of ontological issues of law not only for the specialists in the sphere of philosophy and general theory of law, but also for the scientists in the sphere of sectoral sciences including civilists.

Keywords: ontology of law; legal reality; existence of civil; «world of civil law»; civil public order.

Для того чтобы ориентироваться в той или иной сфере, включая сферу права, человек должен исходить из ощущения реальности этой сферы. Такое ощущение приобретается как в практическом опыте, так и посредством теоретического познания; «оно помогает осмыслить, понять, что происходит с данным объектом и что в связи с этим надо делать» [12, с. 143]. Эти положения верны для субъекта, не являющегося правоведом, но пытающегося постичь те или иные правовые явления или «мир права» в целом; они еще более верны для правоведа, занимающегося изучением этого мира профессионально, поскольку «концепция правовой реальности, т.е. представления о природе, основаниях, структуре сложного мира права, помогает ориентироваться в нем и философу права, и

юристу профессионалу, и обычному гражданину» [Там же]. Юристы мыслят о праве, а, по словам А.М. Васильева, мыслить о праве, значит «теоретически представлять себе целостную картину правовой сферы общественной жизни» [2, с. 73].

Вопрос о понимании правовой реальности весьма значим для гражданско-правовой науки, поскольку является своеобразным белым пятном цивилистического познания. У нас нет оснований полагать, что он не касается цивилистов уже по той причине, что цивилистика не оторвана ни от гуманитарной науки в целом, с одной стороны, ни от реальной, обыденной, практической действительности — с другой; по той причине, что такое понимание имплицитно присутствует и в сознании исследователя, постигающего гражданско-правовые явления, и

в сознании преподавателя, читающего лекции по гражданскому праву, и в сознании судьи, рассматривающего гражданское дело. Они не могут обойтись без определения гражданского права, а любое определение права обусловлено определенным видением мира, оно вписывает его в какую-либо систему координат, оно, как отмечает Ю.Е. Пермяков, «помещает его в "картину мира", по причине чего мы начинаем видеть те скрытые силы, которые определяют судьбу правовых институтов, отдельных норм и мотивы правового поведения» [20, с. 15].

На первый взгляд может показаться, что в понимании правовой реальности (в нашем случае — гражданско-правовой) нет проблемы, а потому вопрос не заслуживает обсуждения. Но такой вывод будет ошибочным. Еще в 1913 г. Е.В. Спекторский говорил: «Юристам кажется, что они знают, с какой реальностью они имеют дело, только до тех пор, пока их об этом не спросят. Если же их спросят, то им уже приходится или самим спрашивать и недоумевать, или же по необходимости решать один из труднейших вопросов теории познания» [25, с. 84]. Как представляется, к сегодняшнему дню в этом вопросе ничего не изменилось: мы (юристы) не сомневаемся в том, что знаем правовую реальность, но в то же время с большим трудом можем вразумительно объяснить, что же именно мы знаем о ней. Может быть, по этой причине ни один учебник по гражданскому праву ни словом не упоминает о том, что следует понимать под «гражданско-правовой реальностью» или, иначе, под «миром гражданского права»?

В теории и философии права одной из важнейших задач правоведения признается задача постижения феномена права в его целостности, научное оформление правовой сферы жизнедеятельности, поиск ответа на вопрос, в какой степени правовые законы соответствуют универсальным законам бытия? Причем решение этой задачи связывается не только с усилиями теоретиков и философов права, но и с усилиями представителей отраслевых дисциплин.

Напротив, специалисты в области философии, не являющиеся правоведами, полагают, что указанная проблема относится к сугубо философским, таким, которые юристам просто не по силам. Так, Е.И. Чеботарева,

указывая, что «собственно юридическая рефлексия не обладает достаточным теоретико-методологическим потенциалом, способным вывести правовые ценности, юридические и гражданские практики за пределы локально-временного пространства» [28, с. 3], утверждает, что только «философия, реализуя потребность в трансцендентности, способна актуализировать поиск онтологических оснований права» [Там же]. О.В. Крет считает, что возможности продуктивного освоения и использования теоретического потенциала, накопленного юриспруденцией, «выходят за рамки возможностей юридической науки и лежат в плоскости философских размышлений» [11, с. 3]. Упрекая правоведов, занимающихся исследованием правовых явлений и при этом претендующих «на универсальность своих выводов», она категорически утверждает, что «целостный взгляд на правовую реальность может быть выработан только в рамках философии, являющейся формой теоретического мировоззрения, а не юриспруденции как науки» [Там же, с. 4].

Изложенное приводит к выводу о том, что представители философского знания присваивают монополию на мировоззренческие правовые обобщения, полагая, что представители правовой науки должны подождать, пока философы, реализуя свою «потребность в трансцендентности», представят им «целостную теоретико-мировоззренческую концепцию правовой реальности». А затем, получив такую концепцию, будут руководствоваться ею в собственных исследованиях. Вряд ли можно согласиться с таким подходом. Во-первых, как справедливо замечает Д.А. Керимов, «никто не обладает монополией на научное творчество» [10, с. 15], а «современное состояние правоведения настоятельно требует познания, раскрытия тайны его гносеологических потенций» [Там же, с. 8]. Во-вторых, та концепция, которую будут предлагать философы, реализовавшие свою «потребность в трансцендентности», может не устраивать правоведов по целому ряду причин.

Не беремся оценивать выводы Е.И. Чеботаревой с точки зрения заявленной ею специальности (09.00.11 Социальная философия), но попробуем рассмотреть их с точки зрения правоведения. Как известно, концепция, изложенная в диссертации, выражается в защищаемых автором положениях. Всего Е.И. Че-

ботарева выносит на защиту пять положений, которые нам придется привести полностью: «1. В процессе историко-философского дискурса развитие и формирование идей права и гражданского общества осуществлялось через разнообразные механизмы преемственности. Анализ структуры дискурса показал, что изъятие из контекста правовой мысли идеи гражданского общества приводит к разрушению содержательной стороны самого дискурса. 2. Не отрицая традиционную классификацию, выстраивание определений права и гражданского общества происходит посредством философской рефлексии, предлагающей новые теоретико-методологические подходы к разработке новых стандартов в изучении феноменов права и гражданского общества. Эти подходы связаны с актуализированием онтологического аспекта, в рамках которого становится возможным структурировать категориальные основания права и гражданского общества через категорию бытие, существование. 3. Структура онтологического статуса права и гражданского общества определяется через призму метафизического бытия, в котором “озабоченность собственным существованием” выражается одновременно в форме всеобщего и локально-индивидуального. При этом онтологический статус права и гражданского общества включает как разнообразные концепты, так и онтологические матрицы, детализирующие их структурную сущность. 4. Под влиянием современных реалий глобального мира концепты права и гражданского общества имеют рациональное наполнение: в него включаются вариации различных интерпретаций, эмпатические, эмоциональные и иррациональные моменты. Это влияет и на проявление ментальных практик права и гражданского общества. В конкретном событии меняется соотношение должного и сущего в практике правоприменения, а структуры гражданского общества все чаще используют конкретно-ситуативные механизмы адапционного бытия. 5. При накоплении новых правовых и гражданских практик постепенно формируется “банк социальных онтологий”, который можно эффективно использовать при локальных политических, военных и культурно-религиозных конфликтах, при решении которых современное международное право оказывается бессильным» [28, с. 17–18]. Анализируя

данные положения с позиций правоведения, отметим следующее.

Первое положение констатирует преемственность в формировании идей права, что давно и хорошо известно всем правоведам и никем не оспаривается.

Второе положение представляет собой призыв к актуализации онтологического аспекта в изучении права и, соответственно, в исследовании категории «бытие права». По этому поводу следует указать, что философы нередко упрекают правоведов в пренебрежении правовой онтологией. Так, украинский философ С.П. Шевцов пишет о недостаточном внимании со стороны юристов к онтологическим проблемам права и подчеркивает, что «юристы стараются избежать разговоров об онтологии — они отмахиваются от философов и не хотят ничего знать о законе, государстве или норме как таковых» [29]. Действительно, правовых работ онтологической направленности крайне мало и данный упрек необходимо принять. Попутно можно отметить, что и юристы признают этот факт. Так, С.И. Тиводар отмечает, что для части научного сообщества является непривычным само словосочетание «онтология права» и обосновывает необходимость разработки онтологии семейного права [26, с. 6–8]. Полагаем, что изложенный во втором положении призыв Е.И. Чеботаревой весьма своевременен, однако каких-либо граней правовой реальности он не раскрывает и ничего нового в ее понимание не привносит.

Третье положение, пожалуй, следует расценить как указание учитывать диалектику единичного, особенного и всеобщего в праве, что для правоведов не является новостью [10, с. 201–213], а также как констатацию факта об отражении онтологического статуса права в общественном сознании как на уровне обыденного здравого смысла, так и в рамках научно-теоретического познания. Очевидно, что право не является чем-то изолированным, неким «локусом» социального пространства; оно «встроено» в общественную жизнь и проявляется в самых разнообразных формах, что также давно отмечено правоведами (см., напр.: [24, с. 29]). Попутно нельзя не указать, что употребление Е.И. Чеботаревой термина «концепт» в противопоставлении термину «онтологическая матрица» может создать представление о

различающемся смысле данных понятий и ввести в заблуждение читателя, в то время как онтологическая матрица понимается в философии как концепция, схема, логико-семантическая конструкция (см.: [9; 19]), и в рассматриваемом контексте указанные термины различного смысла не имеют, обозначая некое представление о бытии права.

Четвертое и пятое положения есть констатация факта о постоянном развитии, отмеченного еще Гераклитом в знаменитой фразе «все течет, все изменяется».

«Концепция правовой реальности», предложенная О.В. Крет, также включает пять положений¹ и также наполнена обще-

¹ «1) правовая реальность представляет собой относительно автономный нормативно-императивный и формально-определенный срез общественной реальности, объединяющий все существующие правовые явления; 2) сущность правовой реальности как общественного явления заключается в государственно-властном регулировании поведения людей в человеческом сообществе с целью достижения на нормативной основе такой стабильной организованности общества, при которой реализуются демократия, экономическая свобода, свобода личности; 3) основным (движущим) противоречием правовой реальности выступают ее правомерные и неправомерные стороны, взаимосвязанные и взаимопереходящие друг в друга, представляющие собой соответственно комплекс явлений правовой реальности, которые соответствуют существующей в данной временной промежуток системе права и поддерживают ее, либо не отвечающих требованиям правовых предписаний, и предполагающий иное, противоположное либо отличное от официального, их понимание; 4) на основе современной синергетической парадигмы, предполагающей в качестве ключевых понятий триединство система (порядок) — элемент — хаос, правовая реальность рассматривается как системно-хаотичное явление, элементами которого являются право, правоотношение и правосознание, при этом мерой упорядоченности правовой реальности выступает юридическое понятие правопорядка, понимаемого в качестве основанной на праве и законности организации общественной жизни, отражающей качественное состояние общественных отношений на определенном этапе развития общества; 5) структуру правовой реальности образуют три ее фундаментальных компонента — правотворчество, правореализация и правоохрана, выполняющих свою функциональную роль во взаимосвязи друг с другом и структурой в целом. Дисфункции указанных компонентов (пробелы в праве, отсутствие механизмов реализации нормативных предписаний, рост преступности и т.п.), превышающие определенную критическую величину, приводят либо к развитию, либо к уничтожению существующей правовой реальности» [11, с. 5–6].

признанными в правоведении положениями в сочетании с «наукоемкими» философскими фразами самого общего характера. Таким образом, можно заключить, что представленные в двух достаточно «свежих» философских трудах «концепции правовой реальности» таковыми не являются и вряд ли способны помочь юристам выработать «целостный взгляд на правовую реальность». Поэтому, признавая значимость познания онтологической природы права и соглашаясь в этом с представителями философии, мы не можем согласиться с их монополией на такое знание и полагаем, что правоведы способны разрабатывать собственные концепции как отражающие и объясняющие правовую реальность, так и раскрывающие собственно правовое значение такого объяснения.

В философии права понятие «правовая реальность» рассматривается в двух смыслах: широком и узком. В широком смысле под этим понятием понимается вся совокупность правовых феноменов: правовых норм, правовых институтов, правовых отношений, правовых концепций и т.д. В узком смысле правовая реальность — это базисные правовые реалии, по отношению к которым все прочие правовые феномены рассматриваются как зависимые, производные. В этом случае под правовой реальностью представители различных научных направлений понимают либо правовые нормы (нормативизм), либо правовые отношения (социологическая юриспруденция), либо правовые переживания и эмоции (психологическая школа права) (см.: [14, с. 79]). Некоторые ученые говорят не о двух смыслах этого понятия, а о двух видах самой правовой реальности. Например, С.И. Максимов указывает, что следует различать: «...правовую реальность, как объективно существующий мир права, данный субъекту в практике (опыте) и картину правовой реальности как модель правовой реальности, служащую средством познания и конструирования мира права» [12, с. 147]. Полагаем, что в данных подходах нет противоречия, поскольку смыслы относятся к термину, обозначающему понятие, а виды — к феномену, отражаемому в понятии. В связи с этим вполне допустимо двухаспектное рассмотрение правовой реальности, с одной стороны, предстающей перед субъектом в виде правовых норм, действующих правовых

учреждений, различного рода юридических документов, процедур и т.д., а с другой — в виде идеального объекта, описываемого в учебниках по праву, научных монографиях, а также закрепляемого в различных законодательных конструкциях. Однако главное, по нашему мнению, заключается в том, чтобы эти аспекты не исключали друг друга, а концепции, предлагаемые в философско-правовых и общетеоретических работах, помогали понять современную правовую реальность, углубить знание о праве.

Отечественная правовая литература показывает, что существует очень мало исследований, посвященных правовой реальности, а те работы, которые все-таки имеются, объясняют существо рассматриваемой проблемы на весьма абстрактном уровне, что делает их труднодоступными для понимания. Мир права является реальностью «не чувственно воспринимаемого мира, не миром душевных состояний, а реальностью деонтологической, “невидимой”, хотя и имеющей свое проявление в эмпирическом мире» [12, с. 153–154]. Реальность, например, суда не есть здание или эмоции лиц, участвующих в заседании, но некий особый способ функционирования этого учреждения, позволяющий регулировать юридические конфликты «путем замены прямого насилия языковым дискурсом» (см.: [Там же, с. 154]). В итоге С.И. Максимов приходит к выводу, что правовая реальность — это бытие, имеющее смысловое строение [Там же, с. 161]. В.П. Малахов, описывая «вхождение в правовую реальность», вводит понятие «правовое пространство», которое определяет «как пространство смыслов» [13, с. 362], а становление права представляет «как развертывание содержания (богатства смыслов)» [Там же, с. 383]. Эти определения выглядят весьма привлекательно, однако вряд ли они способны объяснить правовую реальность как объективно существующий мир права, данный субъекту в практике (опыте). Но, может быть, эти упреки неуместны, поскольку философия права не имеет в числе своих задач объяснение правовой реальности? Может быть, задачи философии права какие-то иные и она вообще не относится к юриспруденции? Нет, специалисты в области философии права дают на эти вопросы отрицательный ответ: «...поскольку философия права имеет сво-

им предметом то же, что и все остальные юридические науки — а этим предметом является право во всем многообразии его аспектов, — утверждает В.П. Малахов, — постольку философия права также в полной мере должна быть отнесена к юриспруденции» [Там же].

Более того, А.В. Поляков саму теорию права понимает как «раздел философии права, претендующей на всеобщность установленного в его рамках правового знания и достоверность, подтверждаемую как феноменологической очевидностью..., так и различными вариантами верификации, фальсификации и дискурсивной аргументации, с последующей легитимацией научным сообществом» [21, с. 11–12]. При этом правовед вполне обоснованно утверждает: «Для того, чтобы теорию права можно было рассматривать как науку, необходимо опираться на рациональное, стремящееся к достоверности (аподиктичности) знание, понимающее и объясняющее суть правовой реальности. Только в этом случае возможно наиболее эффективное использование всего потенциала права. Ведь осмысление того, что представляет собой право и какова его связь с социумом, определяет не только правовую политику, но и сам порядок... отношений, обедняющих или, наоборот, обогащающих содержание социально-гуманитарного бытия» [Там же, с. 13–14]. Как видим, объяснение правовой реальности ставится автором на первое место. Однако в многостраничном труде А.В. Полякова нам так и не удалось отыскать какой-либо дефиниции правовой реальности (хотя сам термин используется им неоднократно).

В цивилистической литературе работы, посвященные данной проблеме, отсутствуют и развернутых представлений цивилистов о гражданско-правовой реальности нам отыскать не удалось. Те крайне редкие высказывания по данному вопросу, которые все-таки можно встретить, оценить достаточно сложно в связи с отсутствием достаточной аргументации. Одно из таких высказываний находим у В.А. Белова, который, рассматривая вопрос о системном изучении гражданского права и отталкиваясь от одного из основных системных требований — о выработке исследователем представления о предмете применения системной методологии как о целостном явлении, «выходит» на катего-

рию «правовая реальность» («мир права»), которую определяет как «особое идеальное (мыслимое) мироздание, распадающееся на ряд юридических институтов и конструкций» [1, с. 167]. Однако далее цивилист справедливо отмечает, что идеальное не доступно чувственному восприятию, оно есть продукт умозрительного представления, в связи с чем указанное мыслимое мироздание может оказаться «полностью зависимым от субъективизма ученого, взявшегося за его исследование» [Там же, с. 170]. Дабы избежать этого, В.А. Белов предлагает отталкиваться от социальных явлений, на которых основан «мир права», т.е. от общественных отношений, являющихся универсальной внешней формой выражения и стабильной формой существования социальных явлений. В результате автор приходит к следующему умозаключению: «Юридический (оценочный) слепок с системы общественных отношений (с содержательных, формальных и прочих юридически значимых характеристик) и будет наиболее близким к слепку с правовой реальности» [Там же, с. 171]. Таким образом, в конечном итоге мы так и не смогли выйти на саму правовую реальность (мир права), а вышли на «слепок» с нее, причем даже на два «слепка» — один с системы общественных отношений, а второй — с правовой реальности. В то же время, как представляется, слепок с правовой реальности — это все-таки слепок, а не сама правовая реальность, вопрос об определении которой так и остался открытым.

Полагаем, что проблемы онтологии гражданского права должны исследоваться. По утверждению Л. Витгенштейна, «мир есть все, что происходит» [3, с. 5]. Можно признать, что мир права — это все, что происходит, но при этом связано с правом в той или иной степени, осуществляется при помощи правовых механизмов путем правового воздействия.

Как известно, мир заполнен не только материей и включает в себя не только материальные объекты, в реальности которых никто не сомневается. Такими же реальными являются и социальные, духовные, культурные и прочие субстанции. Их реальность проявляется в том, что они могут активно воздействовать как друг на друга, так и на другие виды материи (через деятельность других систем и человека). И они также существуют и действуют не

хаотически, а подчиняются специфическим, но строгим законам своего существования. Их также касается закон сохранения, потому что они имеют свои виды «энергии», не появились вдруг, а могут лишь переходить друг в друга (см.: [31]). Любое познание любого объекта начинается с констатации того, что этот предмет есть, что он существует. Если же мы признаем, что его нет, то не сможем ответить на вопрос: а что же именно мы познаем? Как указывает В.Н. Сагатовский, «в бесконечном разнообразии природы этих "есть" и "нет" онтология находит их всеобщую характеристику» и задача онтологии состоит в том, чтобы развернуть эту имплицитную характеристику в структуру, «описывающую каркас любого соотношения (взаимодействия), сделать эксплицитным категориальный каркас картины мира и любого сущего (как, разумеется, мы видим его на данном уровне познания — без всяких претензий на построение окончательной и единственно верной системы)» [23].

Начинать исследование правовой реальности следует с избрания соответствующей категории. В.В. Трофимов указывает, что «по отношению к юриспруденции можно констатировать проблему "дефицита" целостных и в некоторой степени претендующих на "универсальность" описательно-объясняющих моделей познания мира правовых явлений» [27, с. 61], хотя и оговаривается, что отмеченный «дефицит» носит «парадоксальный» характер, так как сами категории имеются, но их «использование либо не приводит к желаемому эффекту, либо "заглушается" теми критериями рациональности, "научности" традиционной методологии, которые сформировались в рамках общей теории права» [Там же, с. 61–62].

Действительно, категорий, которые используются в доктрине в качестве универсальных, способных охватить все «правовое мироздание», более чем достаточно (например, «правовая реальность», «правовая действительность», «правовая жизнь», «правовая система», «правовая картина мира», «правовая материя», «правовое пространство», «мир права», «правовое поле»). Можно отметить, что в последнее время в литературе все чаще предлагается использование в указанных целях категории «правовая жизнь» (см.: [15; 18; 27]). Инициатор придания поня-

тию «правовая жизнь» категориального статуса А.В. Малько последовательно проводит мысль о том, что «“правовая жизнь” — это совокупность всех форм юридического бытия общества, выражающаяся в правовых актах и иных проявлениях права (в том числе и негативных), характеризующая специфику и уровень существующей юридической действительности, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [16, с. 22]. Иными словами, по мнению теоретика, категория «правовая жизнь» — это некая универсалия, охватывающая все правовые стороны общественной жизни.

В.В. Трофимов также утверждает, что категория «правовая жизнь» является наиболее приемлемой для построения целостного видения мира правовых явлений. Он анализирует ряд категорий, используемых в литературе в исследуемом широком смысле, и приходит к выводу об их неприемлемости, поскольку категории «правовая форма» и «правовая система» оставляют за своими рамками различного рода негативные правовые явления, категория «правовая действительность» исключает из сферы изучения правовую историю, категория «правовая культура» ограничена статическими аспектами (описанием политико-правовых учреждений). Категории «правовая материя» и «правовая идея», по его мнению, также неприемлемы, так как представляют собой «крайние точки осмысления права» (первая есть догма права, вторая — правовая доктрина) [27, с. 61]. В.В. Трофимов заключает, что именно правовая жизнь, как социальный феномен, «самодостаточный в силу своей автономности от субъективных факторов, саморазвивающийся в силу внутренних причин, преобразующих позитивное право в инструмент эффективного правового воздействия, устанавливает необходимые коммуникационные связи между самими социальными субъектами, а также между социальными субъектами и правовой нормой» [Там же, с. 67]. В целом главную идею рассуждений автора можно изложить следующим образом: именно категория «правовая жизнь» есть та «чистая» логическая абстракция, которая наиболее пригодна для познания всего многообразия правовых явлений, всех деталей их «организованных» и «неорганизованных» совокупностей. Она призвана объединить все правовые явления в единый комплекс, пока-

зать их как «сумму» правовой жизни. В соответствии с этой идеей автор призывает научное сообщество к достижению консенсуса в данном вопросе, который, по его мнению, «станет итогом развития, диалектики правовой мысли» [Там же, с. 62].

По поводу данных рассуждений у нас имеется ряд вопросов. Допустим, научное правовое сообщество воспримет предложение о придании категории «правовая жизнь» статуса универсальной. Означает ли это, что данная категория должна применяться в отраслевых науках? А если так, то следует ли признать приемлемым и целесообразным употребление терминов «гражданско-правовая жизнь», «административно-правовая жизнь», «уголовно-правовая жизнь» и т.д.? Почему, исследуя приемлемость тех или иных общих понятий, автор пренебрегает таким давно известным и широко распространенным в юридической литературе понятием, как «правопорядок», учитывая, что последнему правоведам придают самый широкий смысл, равно как и признают его способность отразить бытие права во всех его проявлениях? В качестве примера можно указать на работу Р. Штаммлера, которая полностью посвящена обоснованию идеи о неразрывной связи социальной жизни и правового порядка и может рассматриваться как одна из первых работ по онтологии права [17, с. 570–571; 22, с. 93; 30].

Подводя итоги, следует отметить, что на сегодняшний день ни философия, ни философия права, ни общая теория права не дают представлений, позволяющих отраслевому специалисту определить правовую реальность, мир своего «отраслевого права».

Полагаем, что наиболее приемлемым понятием, посредством которого можно показать бытие гражданского права во всех его проявлениях, создать представление о «мире гражданского права», является понятие гражданского правопорядка, разработка которого начата в цивилистической литературе. Рамки данной статьи не позволяют нам привести аргументы в пользу такого решения, поэтому ограничимся ссылкой на работы, которые обосновывают идею о признании гражданского правопорядка категорией, способной отразить «гражданско-правовое мироздание» во всех его проявлениях, т.е. гражданско-правовую реальность (см.: [4–8]).

Список использованной литературы

1. Белов В.А. Наука гражданского права как система // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007.
2. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. М., 1994. Ч. 1.
4. Григорьева М.А. Гражданский правопорядок как форма организации гражданского быта // Современное право. 2010. № 3. С. 33–36.
5. Григорьева М.А. Гражданский правопорядок (опыт системного исследования). Красноярск, 2010.
6. Григорьева М.А. Гражданский правопорядок: проблема понимания // Закон и право. 2008. № 8. С. 60–62.
7. Григорьева М.А. Правовой порядок как вид социального порядка // Закон и право. 2010. № 1. С. 55–60.
8. Григорьева М.А. Правовой порядок как научная категория // Закон и право. 2008. № 7. С. 11.
9. Дунаев В.Ю. Онтологические основания социального познания: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Алматы, 2007.
10. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001.
11. Крет О.В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2007.
12. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002.
13. Малахов В.П. Философия права: учеб. пособие. М., 2002.
14. Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995.
15. Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 5–13.
16. Малько А.В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999.
17. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права // Муромцев С.А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004.
18. Невважай И.Д. Методологическое значение идеи «правовой жизни» // Юридическое образование и наука в России: проблемы модернизации: тезисы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию СЮИ-СГАП. Саратов, 2006. С. 118–120.
19. Оболкина С.В. Онтологическая грамматика холизма как философская проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2005.
20. Пермяков Ю.Е. Лекции по философии права: учеб. пособие. Самара, 1995.
21. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб., 2004.
22. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
23. Сагатовский В.Н. Триада бытия. СПб., 2006.
24. Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919.
25. Спекторский Е. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. М., 1913. Кн. 2.
26. Тиводар С.И. Онтология семейного права: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000.
27. Трофимов В.В. Концепция «правовой жизни»: теоретико-методологическое значение // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 2. С. 61–68.
28. Чеботарева Е.И. Онтология права и гражданского общества: философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2007.
29. Шевцов С.П. К проблеме онтологии права [Электронный ресурс] // Наукове пізнання. 2004. № 2. URL: http://www.nsu.ru/classics/Shevtsov_Ontol.htm.
30. Штаммлер Р. Закономерность правового порядка и народного хозяйства. Киев, 1904.
31. URL: <http://www.medlinks.ru/sections.php?op=viewarticle&artid=1080>.

Referenses

1. Belov V.A. Nauka grazhdanskogo prava kak sistema // Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki / pod obshch. red. V.A. Belova. M., 2007.
2. Vasil'ev A.M. Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii teorii prava. M., 1976.
3. Vitgenshtein L. Logiko-filosofskii traktat // Filososfskie raboty. M., 1994. Ch. 1.
4. Grigor'eva M.A. Grazhdanskii pravoporyadok kak forma organizatsii grazhdanskogo byta // Sovremennoe pravo. 2010. № 3. S. 33–36.
5. Grigor'eva M.A. Grazhdanskii pravoporyadok (opyt sistemnogo issledovaniya). Krasnoyarsk, 2010.
6. Grigor'eva M.A. Grazhdanskii pravoporyadok: problema ponimaniya // Zakon i pravo. 2008. № 8. S. 60–62.

7. Grigor'eva M.A. Pravovoi poryadok kak vid sotsial'nogo poryadka // Zakon i pravo. 2010. № 1. S. 55–60.
8. Grigor'eva M.A. Pravovoi poryadok kak nauchnaya kategoriya // Zakon i pravo. 2008. № 7. S. 11.
9. Dunaev V.Yu. Ontologicheskie osnovaniya sotsial'nogo poznaniya: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Almaty, 2007.
10. Kerimov D.A. Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava). M., 2001.
11. Kret O.V. Pravovaya real'nost': ontologo-gnoseologicheskii analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Tambov, 2007.
12. Maksimov S.I. Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya. Khar'kov, 2002.
13. Malakhov V.P. Filosofiya prava: ucheb. posobie. M., 2002.
14. Malinova I.P. Filosofiya prava (ot metafiziki k germenevtike). Ekaterinburg, 1995.
15. Mal'ko A.V. Kategoriya «pravovaya zhizn'»: problemy stanovleniya // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 5. S. 5–13.
16. Mal'ko A.V. Novye yavleniya v politiko-pravovoi zhizni Rossii: voprosy teorii i praktiki. Tol'yatti, 1999.
17. Muromtsev S.A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava // Muromtsev S.A. Izbrannye trudy po rimskomu i grazhdanskomu pravu. M., 2004.
18. Nevvazhai I.D. Metodologicheskoe znachenie idei «pravovoi zhizni» // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka v Rossii: problemy modernizatsii: tezisy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 75-letiyu SYul-SGAP. Saratov, 2006. S. 118–120.
19. Obolkina S.V. Ontologicheskaya grammatika kholizma kak filosofskaya problema: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Ekaterinburg, 2005.
20. Permyakov Yu.E. Lektsii po filosofii prava: ucheb. posobie. Samara, 1995.
21. Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava: Problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda: kurs lektsii. SPb., 2004.
22. Radbrukh G. Filosofiya prava. M., 2004.
23. Sagatovskii V.N. Triada bytiya. SPb., 2006.
24. Sorokin P.A. Elementarnyi uchebnyk obshchei teorii prava v svyazi s teoriei gosudarstva. Yaroslavl', 1919.
25. Spektorskii E. Yurisprudentsiya i filosofiya // Yuridicheskii vestnik. M., 1913. Kn. 2.
26. Tivodar S.I. Ontologiya semeinogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2000.
27. Trofimov V.V. Kontseptsiya «pravovoi zhizni»: teoretiko-metodologicheskoe znachenie // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2009. № 2. S. 61–68.
28. Chebotareva E.I. Ontologiya prava i grazhdanskogo obshchestva: filosofskii analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Samara, 2007.
29. Shevtsov S.P. K probleme ontologii prava [Elektronnyi resurs] // Naukove piznannya. 2004. № 2. URL: http://www.nsu.ru/classics/Shevtsov_Ontol.htm.
30. Shtammler R. Zakonomernost' pravovogo poryadka i narodnogo khozyaistva. Kiev, 1904.
31. URL: <http://www.medlinks.ru/sections.php?op=viewarticle&artid=1080>.